

Парадокс российского потребления

А.А. ШИРОВ, доктор экономических наук. E-mail: schir@ecfor.ru
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
МГУ им. М.В. Ломоносова

В.В. ПОТАПЕНКО, кандидат экономических наук.
E-mail: vadvpotap@gmail.com
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва

Аннотация. В статье анализируются основные особенности потребления домашних хозяйств в России. Показано, что значительный рост доходов в последние 25 лет не привел к усложнению спроса и повышению качества потребления населения. В частности, не произошло снижения доли продовольствия в структуре потребления, что противоречит не только теории потребительского спроса, но и эмпирическим наблюдениям в большинстве стран мира. По мнению авторов, ключевыми причинами возникновения этого парадокса являются, с одной стороны, изменение ценовых пропорций и расширение потребительского разнообразия, с другой – сильная дифференциация доходов населения. Целенаправленное снижение дифференциации доходов населения (даже при сохранении их общего уровня) способно увеличить внутренний потребительский спрос и положительно скажется на динамике ВВП.

Ключевые слова: потребление домашних хозяйств; доходы населения; уровень жизни; экономическая политика

Постановка проблемы

В большинстве современных развитых экономик потребление домашних хозяйств (ПДХ) занимает наиболее весомую долю в структуре использованного валового внутреннего продукта (ВВП) и является одним из основных драйверов экономического роста. Такая значимость потребительского спроса характерна и для России: за два последних десятилетия доля потребления хозяйств в структуре российского ВВП не опускалась ниже 46%, а в среднем за 1999–2019 гг. составила 50%.

За период высоких темпов экономического роста в 2000-е гг. разрыв в величине ВВП на душу населения, измеренного по паритету покупательной способности, между Россией и США сократился с 83 до 50%. Это существенное достижение, и оно в значительной степени изменило облик страны. Главным результатом высокой экономической динамики стал рост уровня жизни населения. Однако, по словам академика В.В. Ивантера [Экономика..., 2020], в этот период Россия смогла в целом

победить нищету, но не сумела решить проблему бедности. Более того, по мере затухания фазы активного роста стали проявляться отдельные негативные тенденции в характере и структуре потребления российских домохозяйств.

Изменение потребительского поведения жителей России имело ярко выраженные особенности. Самая существенная из них состояла в том, что, несмотря на значительный рост ВВП и потребления хозяйств на душу населения, не наблюдались ожидаемые с теоретической точки зрения (и подтверждаемые межстрановыми сопоставлениями) позитивные изменения в структуре потребления. Так, доля расходов на продовольствие в структуре потребления домашних хозяйств в течение многих лет остается крайне высокой – около 30%. И это притом, что в 1998–2018 гг. его физический объем увеличился в 2,7 раза (физический объем ВВП – в 2,1 раза). Это нетипичное для других стран явление мы назвали *Парадоксом российского потребления*.

Теоретический экскурс

Начиная с XIX века консенсус относительно влияния доходов на структуру потребления населения состоял в том, что чем выше доход, тем меньше доля расходов домашних хозяйств на продовольствие и другие товары первой необходимости (закон Энгеля). В последующие десятилетия было предложено учитывать возрастные и другие специфические особенности домохозяйств, но принципиально ничего не менялось. Структура потребления богатых и менее обеспеченных семей всегда различалась, но рост доходов в той или иной степени приводил к увеличению доли затрат на услуги, связанные с развитием человеческого потенциала (здравоохранение, образование, культуру и отдых) [Широв, Потапенко, 2018].

Графически эту закономерность изображают при помощи кривых Энгеля – графиков, на горизонтальной оси которых показаны доходы, на вертикальной – расходы на отдельные виды товаров и услуг в абсолютном или относительном выражении. Эти кривые могут иметь разную форму, но, как правило (и это следует из теоретических положений и эмпирических наблюдений), для большей части товаров и услуг в той или иной степени

возрастают, что итоге ведет к изменению структуры потребления домашних хозяйств при росте их доходов.

На основе предположений о форме кривых Энгеля выводится закон потребительского спроса – зависимость между ценой на товар или услугу и спросом на нее для совокупности потребителей [Gorman, 1953; Sonnenschein, 1972]. В принципе кривая спроса на тот или иной товар для всей экономики может принимать любую форму, хотя в большинстве случаев предполагается ее стандартный наклон. В связи с этим необходимо отметить важность учета ценовой динамики при анализе изменения структуры потребления домашних хозяйств.

В ряде работ были предложены подходы для моделирования ПДХ в зависимости от цен на товары и услуги [Deaton, Mullbauer, 1980; Almon, 1996] или от уровня и распределения доходов домашних хозяйств и их социально-демографического состава [Bardazzi, Barnabani, 2001; Bardazzi, Pazienza, 2018; Devine, 1983]. Во всех упомянутых работах кривые Энгеля моделируются на основе статистики потребления отдельных товаров и услуг в разрезе доходных групп домашних хозяйств.

Особенности используемых статистических данных

Российская статистика потребления домашних хозяйств имеет ряд особенностей, усложняющих анализ ее закономерностей. Для элементов использования ВВП, а значит, и для совокупного объема ПДХ, имеются многолетние ряды (с начала 1990-х гг.), хотя из-за изменений методологии Системы национальных счетов (СНС) они не всегда полностью сопоставимы. Однако при попытках увидеть, как за последние десятилетия изменилась структура потребления в детализированном отраслевом или продуктовом разрезе, возникают проблемы: соответствующие ряды появились только в середине 2000-х гг.

Как правило, подобные проблемы решаются путем использования расчетных данных. Например, в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН) в течение многих лет разрабатываются расчетные межотраслевые балансы российской экономики в разрезе 45 видов экономической деятельности

в классификаторе ОКВЭД, которые формируют сопоставимый ряд данных [Узяков и др., 2006]¹.

Официальные данные о структуре ПДХ, динамике его физического объема и индексов-дефляторов по отдельным элементам доступны с 2004 г., когда Росстат начал публиковать детализированную статистику потребления хозяйств в соответствии с Классификатором индивидуального потребления по целям (КИПЦ), имеющим международный аналог и тем самым позволяющим проводить корректные межстрановые сопоставления. Российские национальные счета содержат данные о 24 непересекающихся позициях КИПЦ, а также о позиции «Покупка товаров и услуг резидентов за рубежом за вычетом покупок нерезидентами на территории России».

В России имеются два основных источника информации о распределении доходов и структуре расходов населения: а) Обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) Росстата (доступны как микро-², так и агрегированные³ данные этих обследований); б) Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ (доступны микроданные обследований⁴).

На наш взгляд, при анализе приоритет должен отдаваться данным ОБДХ Росстата: за счет более высокой частоты их сбора, более репрезентативной выборки и некоторых особенностей итоговых результатов. Кроме того, в данных Росстата также содержится сопоставимая информация о величине и структуре расходов домашних хозяйств по отдельным доходным группам: как и в случае СНС, доступны данные по 24 непересекающимся позициям Классификатора индивидуального потребления по целям.

¹ В данный момент ИНП РАН располагает рядами симметричных таблиц «затраты-выпуск» с 1980 по 2017 гг. в постоянных и текущих ценах, эти балансы гармонизированы с официальной статистикой СНС

² Микроданные выборочных обследований домашних хозяйств Росстата URL: <https://obdx.gks.ru/>.

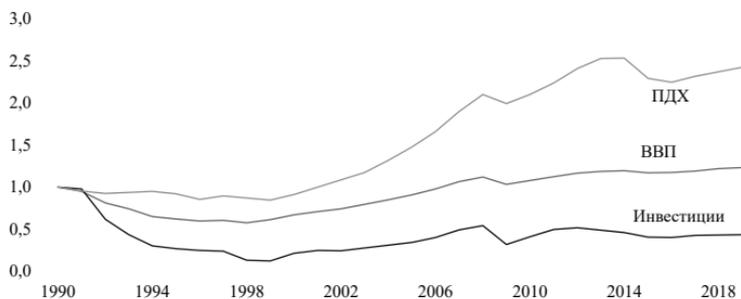
³ Сборник Росстата «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств» URL: <https://gks.ru/folder/11110/document/13271>

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

В рамках этой статьи при анализе структурных характеристик потребления российских домашних хозяйств в целом, без выделения их доходных групп, за 1990-е гг. использовались расчетные межотраслевые балансы Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, а для периода с начала 2000-х гг. – данные о ПДХ в классификаторе КИПЦ из Системы национальных счетов. При рассмотрении структуры потребления отдельных доходных групп домашних хозяйств использовалась статистика обследования домашних хозяйств Росстата. Необходимо отметить, что данные СНС и обследования Росстата, несмотря на идентичный набор входящих в них позиций КИПЦ, сопоставимы не полностью.

Долгосрочная динамика ПДХ в России

В результате масштабного трансформационного шока начала 1990-х гг. потребление населения сократилось намного меньше, чем ВВП и инвестиции в основной капитал (рис. 1). Максимальный спад физического объема потребления хозяйств по отношению к уровню 1990 г. отмечался в 1999 г. и составил около 15,4%. В последующие годы началось достаточно быстрое восстановление уровня потребительского спроса, и уже к 2002 г. физический объем ПДХ превысил уровень 1990 г., а к 2014 г. этот уровень был превзойден уже в 2,5 раза.

Источник: Росстат, Всемирный банк.

Рис. 1. Физический объем ВВП, ПДХ и инвестиций в 1990–2018 гг., 1990 г. = 1

Тем не менее говорить о достижении значительной частью населения страны качественно другого уровня жизни преждевременно. Более того, длительный период снижения реальных

располагаемых денежных доходов в 2014–2017 гг. привел к нарастанию проблем социального характера и потребовал расширения мер по борьбе с бедностью, анонсированных Президентом РФ в тексте Послания Федеральному собранию от 15.01.2020 г.⁵

Как же так получилось, что значительный и опережающий по отношению к ВВП рост потребления населения не стал фактором радикального повышения качества жизни в стране? Существует несколько аспектов данной проблемы, определивших динамику спроса населения в последние три десятилетия.

Во-первых, доля потребления домашних хозяйств в структуре ВВП за данный период практически не изменилась. Если в 1990 г. она составляла 48,9%, то в 2019 г. – 49,4% (максимальное значение в 57% было зафиксировано в 1998 г.). Не такое значительное, как в случае ВВП и инвестиций, снижение физического объема ПДХ в 1990-е гг. было связано с разменом накопления на потребление, когда потребительский спрос на макроэкономическом уровне обеспечивался зеркальным сокращением инвестиций в основной капитал, а государство поддерживало уровень потребления за счет наращивания долга. Во-вторых, состояние советской экономики в 1990 г. было отнюдь не блестящим, соответственно, и структура потребления домохозяйств была достаточно архаичной. В этих условиях можно говорить о том, что существенного потенциала снижения потребительского спроса в условиях 1990-х гг. не было. Другими словами, при более значительном снижении уровня потребления и без того драматичные последствия кризиса, вероятно, привели бы к социальной катастрофе.

В-третьих, произошли сдвиги в структуре доходов и потребления населения. Советская экономика характеризовалась достаточно своеобразной, устанавливаемой государством структурой цен, которая диктовалась сложившимися диспропорциями в производстве. В процессе либерализации произошла нормализация ценовых пропорций, в результате которых, например, рост цен на продукцию сельского хозяйства, пищевого производства и производства одежды существенно отставал от динамики цен на недвижимость и различные виды услуг. В целом рост цен в секторе операций с недвижимым имуществом в 1990–2017 гг.

⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

более чем в восемь раз опередил рост цен на продукцию сельского хозяйства, пищевого производства и производства одежды. Такие ценовые трансформации не могли не сказаться и на изменении структуры совокупного потребления населения (таблица 1).

Таблица 1. Структура ПДХ в разрезе видов экономической деятельности ОКВЭД (в основных ценах) в 1980–2017 гг., %

Показатель	1980	1990	1996	2008	2017*
Сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство	12,6	15,8	20,1	11,0	8,8
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	24,8	20,7	14,2	15,2	12,0
Текстильное и швейное производство	26,6	24,4	11,0	9,4	7,2
Оптовая и розничная торговля, ремонт	12,3	12,2	13,8	21,4	21,5
Операции с недвижимым имуществом, предоставление услуг	1,5	1,5	5,0	6,2	11,9
Услуги государственного управления, образования и здравоохранения	1,9	1,9	3,5	5,4	7,6
Прочие услуги	9,0	9,0	13,3	14,3	12,6
Другие виды экономической деятельности	11,4	14,3	19,0	17,2	18,4

* Показатели приведены в основных ценах (без учета торговых, транспортных и налоговых наценок). Совокупная торговая наценка выделена в отдельном виде деятельности «Оптовая и розничная торговля, ремонт». В данных ОБДХ Росстата наценки включены в расходы домашних хозяйств на отдельные виды товаров и услуг (в ценах конечного покупателя). Изменение методологии СНС – переход с СНС93 на СНС08 – деформировало данные о структуре потребления. Это связано с тем, что СНС08 учитывает вмененную ренту, в результате чего в структуре ПДХ значительно увеличилась доля расходов на «Жилищные услуги, воду, электроэнергию, газ и другие виды топлива» и, соответственно, снизились доли расходов на другие статьи.

Источник: расчетные межотраслевые балансы Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

В-четвертых, изменение структуры потребления в значительной мере было связано с перераспределением части затрат на потребительские товары в торговую наценку, а также ростом доли затрат на покупку недвижимости, услуги образования, здравоохранения и государственного управления.

В-пятых, произошло очень быстрое и значительное расслоение населения по уровню доходов⁶, которое привело к тому, что рост

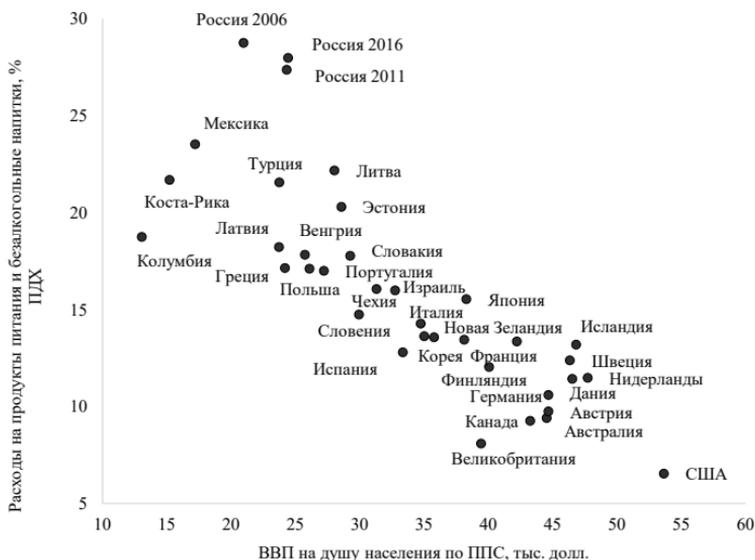
⁶ Согласно данным Росстата, индекс Джини, равный 0,29 в 1992 г. (приблизительно соответствует текущему уровню Финляндии), уже в следующем году увеличился до 0,41 (текущий уровень США). По оценкам Всемирного банка, индекс Джини в 1993 г. и вовсе достиг 0,48.

потребительского спроса распределялся крайне неравномерно и концентрировался в верхних доходных группах населения.

В целом можно констатировать, что за последние 25 лет произошли существенные изменения в механизмах формирования спроса домохозяйств, связанные с динамикой ценовых пропорций, расширением потребительского разнообразия, ростом покупательной способности населения. Однако эти положительные тенденции в недостаточной степени повлияли на качественные характеристики жизни значительной части населения России. Это хорошо видно при более детальном анализе структуры потребления российских домашних хозяйств в фазе экономического роста.

Рост доходов и структура ПДХ: Россия на фоне других стран

Главной особенностью структуры потребления российских домашних хозяйств является крайне высокая на фоне других сопоставимых с Россией стран доля расходов на продовольствие (рис. 2).

Примечание. В целях сопоставимости межстрановых данных структура ПДХ рассчитана без учета «Покупок товаров и услуг резидентов за рубежом за вычетом покупок нерезидентами на территории рассматриваемых стран».

Источник: расчеты авторов по данным Росстата, ОЭСР и Всемирного банка.

Рис. 2. Доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в структуре ПДХ и ВВП на душу населения по ППС в 2016 г.

В выборку включены большая часть стран ОЭСР и несколько не входящих в эту организацию государств, включая Россию. Рисунок демонстрирует ожидаемую закономерность – чем выше уровень жизни в стране, тем меньшую долю ресурсов ее население тратит на продовольствие. В некоторых наиболее богатых странах на эту статью расходов приходится менее 10% ПДХ.

Однако в случае России данная закономерность не соблюдается: доля расходов на продовольствие гораздо выше, чем в странах с сопоставимым ВВП на душу населения по ППС. Если, например, в Турции, Литве и Эстонии расходы на продовольствие лишь немногим превышают 20% ПДХ, в других странах Восточной Европы и Греции находятся в диапазоне 15–20, то в России они приближаются к 30%.

Анализ статистики стран, в которых в последние десятилетия отмечался устойчивый рост доходов населения, показывает, что он, как правило, сопровождался последовательными качественными сдвигами в структуре потребления. Показательным здесь является пример государств Восточной Европы (табл. 2). Отметим, что все они относительно близки к России по многим социально-экономическим факторам: уровню и динамике рождаемости, распространенности модели семьи с малым количеством детей, параметрам урбанизации, наличием опыта перехода от плановой к рыночной экономике, особенностям статистического учета, а, кроме того, имеют сопоставимую с Россией величину ВВП на душу населения.

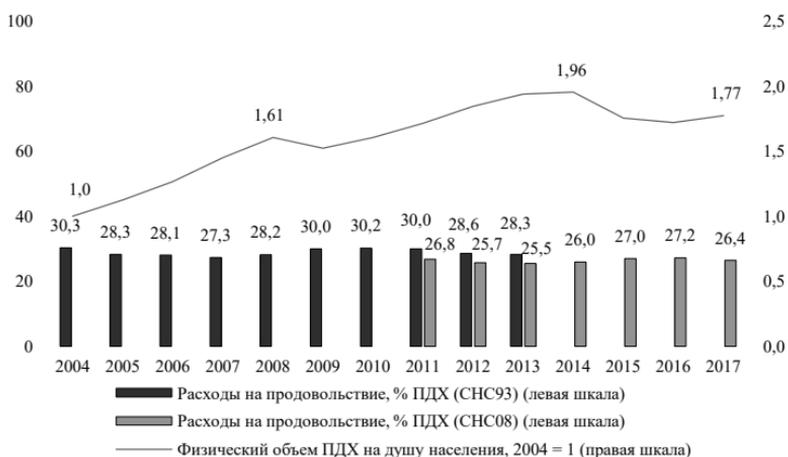
Таблица 2. Изменение доли расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в ПДХ и динамика среднедушевого ПДХ в постоянных ценах в 1995–2017 гг. в странах Восточной Европы

Страна	Рост физического объема ПДХ на душу населения в 1995–2017 гг., раз	Доля в ПДХ, %		Изменение доли в ПДХ, п.п
		1995	2017	
Болгария	1,95	26,4	19,2	-7,2
Чехия	1,69	18,8	16,3	-2,5
Эстония	2,92	30,0	20,3	-9,7
Латвия	2,81	35,2	17,8	-17,4
Литва	3,46	39,3	21,6	-17,7
Венгрия	1,63	23,2	18,2	-5,0
Польша	2,33	29,2	16,8	-12,4
Румыния	3,29	44,5	27,8	-16,7
Словакия	2,08	27,5	18,1	-9,4
Словения	1,51	17,8	14,6	-3,2

Источник: расчеты авторов по данным Евростата.

Во всех представленных в таблице странах отмечалось сокращение доли расходов на продовольствие в потреблении домашних хозяйств при росте физического объема показателя на душу населения. В некоторых странах Восточной Европы 20 лет назад расходы на продовольствие по отношению к ПДХ были такими же, как сейчас в России, а иногда и выше, однако, вместе с ростом уровня жизни населения этот показатель быстро сокращался. Такая же закономерность характерна и для стран Западной Европы, но там она менее выражена из-за более высокого уровня жизни.

Теоретически обоснованная и эмпирически отмечаемая в большинстве стран тенденция к снижению доли расходов на продовольствие при росте уровня жизни не наблюдается в России (рис. 3). Несмотря на рост доходов и уровня среднедушевого потребления, доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в ПДХ существенно не изменилась за последние полтора десятилетия: 2004 г. – 30,3% (по СНС93), 2011 г. – 30,0% (по СНС93) или 26,8% (по СНС08), 2017 г. – 26,4% (по СНС08).

Источник рис. 3, табл. 3: расчеты авторов по данным Росстата.

Рис. 3. Физический объем ПДХ на душу населения и расходы на продукты питания и безалкогольные напитки в структуре ПДХ в России в 2004–2017 гг.

В таблице 3 показано, как в 2004–2017 гг. изменилась структура расходов домашних хозяйств на ключевые группы товаров и услуг.

Таблица 3. Характеристики расходов на ПДХ в России в разрезе разделов КИПЦ в 2004–2017 гг.

Показатель	Структура ПДХ, %		Физический объем ПДХ на душу населения в 2017 г., 2004 = 1	Индекс-дефлятор ПДХ в 2017 г., 2004 = 1
	2004	2017		
Продукты питания и безалкогольные напитки	30,3	26,4	1,50	3,3
Алкогольные напитки, табачные изделия	8,4	7,1	1,5	4,31
Одежда и обувь	10,3	5,1	1,40	2,59
Жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	8,5	16,7	1,35	3,97
Предметы домашнего обихода, бытовая техника и повседневный уход за домом	5,3	6,0	1,93	2,35
Здравоохранение	2,8	4,1	2,79	3,45
Транспорт	11,6	12,3	2,12	2,56
Связь	4,8	3,2	2,75	1,29
Организация отдыха и культурные мероприятия	5,0	5,1	2,48	2,35
Образование	1,1	0,8	1,39	4,04
Гостиницы, кафе и рестораны	3,3	3,1	1,58	3,48
Другие товары и услуги	5,1	7,4	2,57	2,75
Покупка товаров и услуг резидентов за рубежом за вычетом покупок нерезидентами на территории России	3,6	2,7	2,80	1,7

Примечание. При расчете физических объемов ПДХ на душу населения и индексов-дефляторов ПДХ за 2004–2017 гг. использовались данные о ПДХ в методологии СНС93 (для периода 2004–2011 гг.) и в методологии СНС08 (для периода 2012–2017 гг.).

Можно выделить несколько основных особенностей.

- Снижение доли расходов на одежду и обувь (с 10,3 до 5,1% ПДХ) и рост затрат на «Другие товары и услуги» (с 5,1 до 7,4% ПДХ) – обе эти тенденции укладываются в теоретические представления о воздействии роста уровня доходов на структуру ПДХ.

- Стабильные доли расходов на остальные группы товаров и услуг (с поправкой на изменение методологии СНС). Таким образом, к особенностям структуры потребления российских домашних хозяйств относится не только стабильно высокое

значение доли расходов на продовольствие, но и в целом постоянство этой структуры.

- Крайне низкие на фоне других стран с сопоставимым ВВП на душу населения по ППС доли расходов на организацию отдыха и культурные мероприятия, а также гостиницы и рестораны (в совокупности в 2017 г. на них пришлось только 8,2% ПДХ).

- Рост доли расходов на «Жилищные услуги, воду, электроэнергию, газ и другие виды топлива» вследствие изменения методологии СНС, а именно учета вмененной ренты.

Причины постоянства структуры ПДХ

Ценовая динамика

Анализируя крайне стабильную в 2004–2017 гг. структуру потребления российских домашних хозяйств, прежде всего, было бы логично предположить, что ее устойчивость – следствие равномерного роста физического объема потребления всех групп товаров и услуг. Но в действительности это не так (см. табл. 3): например, реальный среднедушевой объем потребления алкогольных напитков и табачных изделий увеличился за этот период в 1,25 раза, одежды и обуви – в 1,40 раза, услуг транспорта – в 2,12 раза, а услуг связи и здравоохранения – и вовсе в 2,5–2,9 раза.

В то же время рост цен, измеряемый при помощи индексов-дефляторов ПДХ, как правило, был ниже как раз на группы товаров и услуг, потребление которых выросло в наибольшей степени, и наоборот. Если услуги связи стали дороже в 1,29 раза, то рост цен на алкогольные напитки и табачные изделия составил 4,31 раза. Именно такая динамика индексов физического объема и индексов-дефляторов определила стабильность структуры ПДХ в целом и доли расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в частности: физический объем среднедушевого потребления этой группы товаров в 2004–2017 гг. увеличился в 1,5 раза, тогда как цены на них выросли в 3,33 раза (для сравнения: индекс-дефлятор ПДХ в целом за этот период увеличился в 2,87 раза).

На наш взгляд, деформированная структура относительных цен является одной из ключевых причин парадокса российского потребления, поэтому изменение ценовых пропорций должно стать тем фактором, который, наряду с общим ростом доходов населения, будет способствовать нормализации структуры потребительского спроса.

Динамика и распределение доходов

Помимо описанной выше ценовой динамики, на консервации структуры потребления российских домашних хозяйств в последние годы сказались еще два фактора. Во-первых, это наблюдаемые с 2013 г. низкие темпы экономического роста, следствием которых стало снижение, а затем стагнация реальных располагаемых доходов населения и ПДХ. Во-вторых, особенности распределения доходов населения: несмотря на некоторые позитивные тенденции 2000-х гг., дифференциация доходов в России все эти годы остается крайне высокой, а после последнего кризиса стала еще более выраженной.

Согласно данным обследований бюджетов домашних хозяйств Росстата, в 2008–2018 гг. реальный средний денежный доход хозяйств вырос всего лишь на 11,9%⁷. При этом если в 2008 г. на десятую (наиболее обеспеченную) доходную группу хозяйств приходилось 26,0% совокупных денежных доходов, то в 2018 г. – уже 30,2%; в то же время доли первой-шестой групп существенно не изменились. В целом в 2008–2018 гг. при общем росте доходов безусловным лидером стала десятая группа, реальный средний доход в которой вырос на 24,7%.

После 2015 г. процесс дифференциации доходов ускорился. За период 2015–2018 гг. реальный средний денежный доход десятой децильной группы увеличился на 11,2%, тогда как у остальных девяти групп наблюдалось сокращение реальных доходов. Крайне важным является тот факт, что чем менее обеспеченная группа рассматривается, тем значительно больше сократились ее доходы: реальные денежные доходы девятой децильной группы в 2015–2018 гг. снизились на 0,4%, в восьмой сокращение составило уже 3,0%, в пятой – 4,1%, во второй – 7,2%, а в первой – 13,7%.

Влияние фактора распределения доходов на структуру ПДХ обусловлено тем, что структура расходов существенно различается между домашними хозяйствами, имеющими разный уровень дохода. Расходы наиболее обеспеченных домашних хозяйств в абсолютном выражении, как правило, превышают расходы менее обеспеченных по всем агрегированным группам товаров и услуг, но при этом разрыв в объеме расходов между доходными группами зависит от рассматриваемого товара или услуги.

⁷Для приведения данных о доходах в реальное выражение как для совокупности домашних хозяйств, так и для их отдельных децильных (десятипроцентных) доходных групп использовался индекс потребительских цен.

Например, в 2018 г. в десятой децильной группе среднемесячные потребительские расходы на продукты питания и безалкогольные напитки на одного члена домашнего хозяйства были равны 8,8 тыс. руб., а в первой децильной группе – 2,4 тыс. руб. (соотношение величин расходов – 3,6 раза). В то же время аналогичное соотношение по расходам на услуги связи составило 4,5 раза, на одежду и обувь – 8,0 раза, на организацию отдыха и культурные мероприятия – 35,0 раза, а на транспорт – 56,6 раза.

В 2018 г. в структуре потребительских расходов первой децильной группы на продовольствие приходилось 48,1%, тогда как у домашних хозяйств десятой группы эта позиция занимала 17,5% расходов (табл. 4). В то же время в первой децильной группе на транспорт направлялось 5,7% расходов (в основном – на оплату услуг транспорта), в десятой – 32,7% (главным образом – на покупку транспортных средств). Похожая ситуация характерна и для расходов на организацию отдыха и культурные мероприятия, жилищные услуги и некоторые другие, менее агрегированные, товары и услуги.

Таблица 4. Структура потребительских расходов российских домашних хозяйств в 2018 г. в разрезе децильных групп и разделов КИПЦ, %

Показатель	Первая	...	Третья	...	Пятая	...	Девятая	Десятая
Продукты питания и безалкогольные напитки	48,1		43,2		39,5		28,6	17,5
Алкогольные напитки, табачные изделия	3,2		3,1		3,1		3,3	2,7
Одежда и обувь	8,0		8,5		8,5		8,7	6,5
Жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	14,4		13,1		12,3		9,4	6,4
Предметы домашнего обихода, бытовая техника и уход за домом	3,1		4,0		5,2		6,0	5,3
Здравоохранение	2,6		3,3		3,8		4,6	3,5
Транспорт	5,7		8,1		9,1		12,9	32,7
Связь	4,6		4,2		3,7		3,2	2,1
Организация отдыха и культурные мероприятия	2,9		3,9		5,2		10,1	10,3
Образование	0,4		0,7		0,9		0,9	0,6
Гостиницы, кафе и рестораны	1,0		1,5		2,0		4,7	5,2
Другие товары и услуги	5,8		6,3		6,5		7,6	7,2

Источник табл. 4, 5: данные Росстата.

Рассмотрение данных ОБДХ Росстата о структуре потребительских расходов в разрезе децильных групп показывает, что, хотя в каждой из групп доля расходов на продовольствие снизилась на несколько процентных пунктов, серьезно на общую структуру расходов такое снижение повлиять не могло. Так, в первой децильной группе расходы на продовольствие сократились в 2005–2018 гг. только с 53,0 до 48,1%, в седьмой и восьмой они практически не изменились (35 и 32% соответственно), а в девятой – и вовсе выросли, хотя и незначительно, – с 28,2 до 28,6%. Доля расходов на продовольствие в десятой децильной группе сократилась с 21,0 до 17,5%, но до сих пор находится на уровне, характерном для всей совокупности домашних хозяйств некоторых стран Восточной Европы (несмотря на позитивную относительно других децильных групп российских домашних хозяйств динамику реальных доходов).

Таблица 5. Доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в разрезе децильных групп в России в 2005–2018 гг., % совокупных потребительских расходов каждой децильной группы

Группа	2005	2010	2015	2018
Первая	53,0	46,2	46,0	48,1
Вторая	51,0	43,6	44,4	44,7
Третья	48,9	41,8	42,7	43,2
Четвертая	45,8	40,0	41,5	41,1
Пятая	42,7	39,1	39,6	39,5
Шестая	39,2	35,8	36,8	36,7
Седьмая	34,6	31,3	33,7	34,8
Восьмая	32,4	27,6	30,8	32,2
Девятая	28,2	25,3	28,2	28,6
Десятая	21,0	18,5	20,4	17,5

Исходя из сказанного мы считаем, что следствием возможного снижения дифференциации доходов (даже при сохранении неизменным их реального уровня) может стать, во-первых, рост доли доходов, направляемых на потребление, а не сбережение; во-вторых, изменение структуры потребления домашних хозяйств (в первую очередь относящихся к наименее обеспеченным доходным группам), и, следовательно, снижение доли импорта в потреблении. Расчеты на основе таблиц «затраты-выпуск» Росстата за 2017 г. показывают, что доля импорта в стоимостном объеме

потребления продовольствия относительно невелика – 17%, тогда как потребление различных товаров длительного пользования, как правило, в значительной мере удовлетворяется за счет импорта. В связи со сложившейся структурой потребления у наименее обеспеченной первой децильной группы населения доля импорта в потреблении не превышает 10%. Таким образом, снижение дифференциации доходов может рассматриваться как источник дополнительного потребительского спроса, а значит, и драйвер роста выпуска и ВВП.

Заключение

Структура потребления российских домашних хозяйств не соответствует достигнутому страной уровню экономического развития. Несмотря на значительный рост среднедушевого ВВП в 2000-е гг., значимых положительных сдвигов в структуре потребления населения не произошло: около 30% ПДХ приходится на продовольствие, при этом у половины домашних хозяйств эта статья занимает более 40% расходов, а у 90% – свыше 25% расходов. Отсутствие положительных сдвигов в структуре потребления населения свидетельствует о наличии проблем при распределении национального богатства, низком уровне доходов значительной части населения и ограниченности мер по его социальной поддержке.

Консервация структуры потребления негативно влияет на качество жизни населения, не позволяя в должной мере увеличивать вложения на развитие человеческого капитала, в частности в образование, здравоохранение и качественный досуг. Более того, сложившаяся структура потребления негативно сказывается также и на характеристиках экономического роста – как количественных, так и качественных. Ситуация ухудшается опережающим ростом цен на продовольствие, в наибольшей степени затрагивающим группы населения с низкими доходами, где доля расходов на продовольствие достигает 50% (см. табл. 4).

Сложившаяся структура распределения доходов сдерживает потребительский спрос и тормозит экономический рост: увеличение доходов затрагивает прежде всего высокодоходные группы населения, имеющие высокие нормы сбережения и в значительной мере ориентированные на потребление импортных товаров и услуг. Снижение дифференциации доходов (даже если

их общий уровень останется неизменным) способно увеличить потребительский спрос и, в силу особенностей потребления низкодоходных групп населения, повысить темпы роста ВВП.

В текущих условиях одним из основных элементов социально-экономической политики может стать целенаправленное перераспределение доходов в пользу домашних хозяйств через снижение налоговой нагрузки, поддержание тренда на рост оплаты труда в бюджетном секторе, а также увеличение мер социальной поддержки групп населения с низкими доходами. Это будет способствовать задействованию имеющегося потенциала внутреннего спроса и запуску нового инвестиционного цикла в российской экономике.

Литература

Узяков М. Н., Маслов А. Ю., Губанов А. Ю. О разработке обновленной версии рядов межотраслевых балансов РФ в постоянных и текущих ценах за 1980–2004 г. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М., 2006. Т. 4. С. 648–657.

Широв А. А., Потапенко В. В. Рынок труда и качество человеческого капитала // ЭКО. 2018. № 2 (524). С. 18–34.

Экономика по академику Ивантеру: сборник / Сост. Б. Н. Порфирьев, М. Н. Узяков, А. А. Широв, А. Е. Ивантер, И. В. Зубков. М.: Наука, 2020. 226 с.

Gorman W. M. Community preference fields // *Econometrica*. 1953. 21 (1). P. 63–80.

Sonnenschein H. Market excess demand functions // *Econometrica*. 1972. 40 (3). P. 549–563.

Deaton A., Mullbauer J. An almost ideal demand system // *American Economic Review*. 1980. № 70 (3). P. 312–226.

Almon C. A perhaps adequate demand system // *INFORUM Working Papers*, University of Maryland. 1996. № 96 (7).

Bardazzi R., Barnabani M. A long-run disaggregated cross-section and time-series demand system: an application to Italy // *Economic Systems Research*. 2001. № 13 (4). P. 365–389.

Bardazzi R., Paziienza M. G. Ageing and private fuel expenditure: do generations matter? // *Energy Policy*. 2018. 117 (C). P. 396–405.

Devine P. Forecasting Personal Consumption Expenditures from cross-section and time-series data // PhD dissertation, University of Maryland. 1983. 239 p.

Статья поступила 16.03.2020.

Статья принята к публикации 22.03.2020.

Для цитирования: Широв А. А., Потапенко В. В. Парадокс российского потребления // ЭКО. 2020. № 6. С. 8-25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25.

Summary

Shirov, A., Doct. Sci. (Econ.), Potapenko, V., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economic Forecasting, RAS, Moscow

The Russian Consumption Paradox

Abstract. The paper analyzes the main features of household consumption in Russia. It is shown that a significant increase in income over the past 25 years has not led to a more complex demand and improved quality of consumer consumption. In particular, the share of food in the structure of consumption has not decreased, which contradicts not only the theory of consumer demand, but also empirical observations in most countries of the world. According to the authors, the key reasons for this paradox are, on the one hand, changes in price proportions and the expansion of consumer diversity, on the other – a strong differentiation of income of the population. A targeted reduction in income differentiation (even while maintaining their overall level) can increase domestic consumer demand and have a positive impact on GDP dynamics.

Keywords: household consumption; households' income; standard of living; economic policy

References

Economics by academician Ivanter: collection (2020). Comp. B.N. Porfiriev, M.N. Uzyakov, A.A. Shirov, A.E. Ivanter, I.V. Zubkov. Moscow. Nauka Publishing House. 226 p. (In Russ.).

Shirov, A.A., Potapenko, V.V. (2018). Labor Market and quality of human capital. *ECO*. No. 2 (524). Pp. 18–34. (In Russ.).

Uzyakov, M.N., Maslov, A. Yu., Gubanov, A. Yu. (2006). The development of an updated version of the timeseries of input-output tables for Russia in constant and current prices for 1980–2004. Scientific works: Institute of economic forecasting of the Russian Academy of Sciences. Vol. 4. Pp. 648–657. (In Russ.).

Gorman, W.M. (1953). Community preference fields. *Econometrica*. 21 (1). Pp. 63–80.

Sonnenschein, H. (1972). Market excess demand functions. *Econometrica*. No. 40 (3). Pp. 549–563.

Deaton, A., Mullbauer, J. (1980). An almost ideal demand system. *American Economic Review*. No. 70 (3). Pp. 312–226.

Almon, C. (1996). A perhaps adequate demand system. INFORUM Working Papers, University of Maryland. No. 96 (7).

Bardazzi, R., Barnabani, M. (2001). A long-run disaggregated cross-section and time-series demand system: an application to Italy. *Economic Systems Research*. No. 13 (4). Pp. 365–389.

Bardazzi, R., Paziienza, M.G. (2018). Ageing and private fuel expenditure: do generations matter? *Energy Policy*. No. 117 (C). Pp. 396–405.

Devine, P. (1983). Forecasting Personal Consumption Expenditures from cross-section and time-series data. PhD dissertation, University of Maryland. 239 p.

For citation: Shirov, A., Potapenko, V. (2020). The Russian Consumption Paradox. *ECO*. No. 6. Pp. 8-25. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25.